

HISTORIA

СЕРГЕЙ ЛЮБИЧАНКОВСКИЙ

Оренбургский государственный педагогический университет

ОРЕНБУРГСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ССЫЛКА КАК МЕХАНИЗМ АККУЛЬТУРАЦИИ: КАЗУС БРОНИСЛАВА ЗАЛЕССКОГО И КАНДИДА ЗЕЛЕНКО¹

The Orenburg Political Link as the Mechanism of Accumulation: the Case of Bronislaw Zalesky and Candid Zelenko

Ключевые слова: Российская империя, Оренбургский край, политическая ссылка, поляки, аккультурация, Залесский, Зеленко

KEYWORDS: Russian Empire, Orenburg region, political exile, Poles, acculturation, Zalesky, Zelenko

ABSTRACT: The article is devoted to the analysis of life and activities in the Orenburg region of Bronislaw Zalesky and Kandid Zelenko, who were exiled there for political reasons in the first half of the XIX century. The theoretical basis of the article is the concept of acculturation. The study is based primarily on unpublished sources from the State Archives of the Orenburg region, with respect to which the method of historical reconstruction has been used. It is concluded that people who were exiled to a remote province eventually became embedded in the structure of the local society in such a way that they became the vehicles of European culture and education in the Orenburg region. At the same time, they themselves in the course of living in exile fell in love with the place of their exile, became its patriots and popularizers outside the borders of the Russian Empire.

Историческая наука имеет давнюю традицию изучения феномена империи и имперской политики (см.: Szmyt 2016; Dmitriev/Lyubichankovskiy 2017; Джунджузов/Любичанковский 2017). Пытаясь рассмотреть сложившиеся проблемы взаимодействия имперских властей и отдельных сообществ, научное сообщество обратилось к междисциплинарным подходам, используя понятие «аккультурация». Первыми в конце XIX века взяли на вооружение это понятие представители американской культурной антропологии (Redfield 1936). Сегодня аккультурацию понимают как процесс взаимодействия культур,

---

¹ Исследование проведено в Оренбургском государственном педагогическом университете при поддержке Российского научного фонда (проект № 17-18-01008).

в рамках которого шло усвоение ими новых элементов, образование в результате смешения разных культурных традиций, принципиально нового культурного синтеза (Bennett 1986). Ученые ушли от понимания аккультурации только как группового феномена (Lyubichankovskiy 2015; Dzhundzhuzov /Lyubichankovskiy 2017; Любичанковский 2017). В первую очередь исследователей заинтересовало то, как аккультурация проявляется на уровне отдельного индивида. Под аккультурацией понимается не столько состояние, сколько процесс, главным результатом и целью которого называлась устойчивая адаптация к жизни в чужой культуре.

Ссылка как механизм наказания, широко практикуемый в Российской империи дореформенного периода, одновременно со своим прямым назначением являлась и специфическим механизмом аккультурации. Вынужденное помещение отдельных поляков в совершенно незнакомые им условия, в явно инокультурное окружение, за тысячи километров от их Родины создало ситуацию колоссального исторического эксперимента в этой сфере. Об этом и пойдет речь в статье, на примере двух выдающихся сынов польского народа – Бронислава Залесского и Кандида Зеленко.

Оренбургский край, находящийся в тысяче километров от российской столицы, на стыке Европы и Азии, вплоть до 1860-х гг. был местом ссылки политических врагов самодержавия. В составе губернской канцелярии даже действовало секретное отделение, основными задачами которого являлись осуществление полицейского надзора за политическими ссыльными. Кроме того, секретное отделение занималось охраной общественного порядка, выявлением лиц, причастных к распространению запрещенной литературы, устанавливало надзор за воспитанниками учебных заведений.

Под гласным и негласным надзором властей находились люди различного социального происхождения: как простые, неграмотные крестьяне, казаки, солдаты, так и высокообразованные дворяне и разночинцы. Прибывшие в Оренбургский край не по своей воле, многие изгнанники, тем не менее, оставили заметный след в истории и культуре края. А созданные ссыльными художниками и поэтами произведения давали возможность русскому и европейскому читателю познакомиться с природой и жизнью незнакомого доселе края. Так, знакомство с народами многонационального Оренбургского края обусловило появление восточных мотивов в творчестве поэта пушкинской поры А. Мещевского; композитор А. Алябьев, живя в Оренбурге, написал вокальный цикл «Азиатские песни» на стихи, являющиеся вольными переводами башкирских народных песен; после возвращения из ссылки А. Плещеев выпустил сборник стихотворений, отразивших оренбургские впечатления, в том числе «Листок из дневника», а в одной из своих повестей, напечатанной в «Русском вестнике» за 1859, сатирически изобразил Оренбург, назвав его «Ухабинском»; в период невольничьего десятилетия Т. Г. Шевченко создал

около 130 стихотворений и поэм, 20 повестей и десятки живописных работ, в которых был отражен интересный местный исторический и этнографический материал.

Важно подчеркнуть, что в первой половине XIX в. Оренбургская политическая ссылка имела международный характер. Особенно многочисленную группу составляли ссыльные поляки. Первые из поляков оказались в Оренбургском крае в 1824 г.: по решению царского наместника в Варшаве за организацию гимназического общества «Чёрные братья» в Оренбургский край было сослано несколько поляков, в том числе пятнадцатилетний Ян (Иван) Виткевич. Впоследствии он стал известным российским дипломатом и исследователем стран Востока. Будучи адъютантом военного губернатора В. А. Перовского, поручик Виткевич в конце 1838 – начале 1839 гг. побывал с дипломатической миссией в Афганистане. В том же 1824 г. в Оренбург прибыли участники тайных обществ из Вильно – Ф. Зан, Я. Чечот, А. Сузин.

Под особым надзором находились участники польского восстания 1830–1831 гг. В Оренбург был сослан граф Ходкевич, префект гродненской доминиканской гимназии М. Ф. Зеленко и др. Вообще же ссыльных польских повстанцев в то время в крае насчитывалось 2800 человек (Статистическая ведомость ссыльных, л. 15). Кстати, известно, что польских ссыльных пытались обвинить в организации заговора уже в Оренбурге. Один из доносчиков сообщил, что мятежники, разделившись на пять партий, должны напасть на дома значительных особ и, овладев городом, продолжить мятеж. Другой информатор доносил, что Ян Виткевич якобы «собирается бежать в киргизскую степь» (Донесения нижних чинов военному губернатору Перовскому, л. 41). Однако следственная комиссия не проявила рвения в изучении и расследовании этого дела, так как оренбургский военный губернатор вовсе не был заинтересован в том, чтобы из доносов выросло громкое дело.

Один из политических ссыльных – Бронислав Залесский, прибывший в ссылку в сороковых годах, писал, что в крепостях Оренбургского края в то время находилось более двух тысяч репрессированных поляков. Он не преувеличивал. По официальным данным, содержащимся в бумагах оренбургского губернатора В. А. Обручева, в Оренбургском корпусе числилось 1667 «штрафованных нижних чинов, преимущественно из поляков» (Донесение о находящихся под полицейским надзором, л. 74).

Несколько из них можно увидеть на рисунке, сделанном в 1849–1850 гг. оренбургским художником А. Ф. Чернышевым, под названием «Т. Г. Шевченко среди ссыльных поляков». Он уже приобрел силу документа, изображенные на нем атрибутированы: Бронислав Залесский, Юлиан Ковальский, Александр Чернышев (двоюродный брат художника), Томаш Вернер, Евстафий Середницкий, Людвиг Турно, Александр Попель, Станислав Доморацкий, Людвиг Липский, Тарас Шевченко, Балтазар Колесинский.

Залесский был одним из негласных лидеров польского общества в Оренбургском крае. Он являлся сначала рядовым, а затем прапорщиком линейных батальонов Отдельного Оренбургского корпуса, где Залесский служил с 1848 по 1856 гг. Командированный в 1851 г. в состав Каратауской экспедиции А. И. Антипова, он по возвращении был «за отлично-усердную службу» произведен в унтер-офицеры. В 1853 г., за отличия под Ак-Мечетью, получил производство в офицеры.

В период ссылки, постоянно базируясь сначала в Орской крепости, а затем в одном из линейных батальонов, расположенных в Оренбурге, Залесский изъездил и исходил почти весь Оренбургский край – от Аральского моря и Мангышлака (теперь это территория Казахстана) до северных и восточных его границ, то есть территории нынешней Башкирии. В 1849 г. он как «умеющий рисовать» был прикомандирован в помощь еще одному известному ссыльному Шевченко «для отделки гидрографических видов берегов Аральского моря» (Распоряжение военного губернатора, л. 4–5).

В 1977 году в журнале «Урал» в переводе ленинградского историка В. П. Грицкевича опубликованы несколько писем Б.Залесского к живущей в Оренбурге землячке – Ружене Собаньской. В одном из них он описывает башкирскую гору Ямантау:

Казалось, что это одна огромная скала, по которой только скользили солнечные лучи и кое-где фиолетовые проблески. Позади был целый океан гор и зелени, как бы волны за волнами меняющихся красок: синие, более близкие, снова фиолетовые, далее сапфировые, наконец, голубые, тонущие в сини и, только кое-где показывался над ними то розовый, то черноватый хребет голой горы или остроконечная вершина (Письма Б. Залесского к Р. Собаньской 1977).

Читая это описание, понимаешь: во-первых, пишет художник; во-вторых, автор искренне восхищается природой мест, в которые забросила судьба.

В Оренбургском крае Залесский оставил о себе добрую память. Архивные дела служат документальным подтверждением того, что в 1853 г. польскому изгнаннику принадлежала весьма значительная роль в организации первой краевой библиотеки и наполнении ее фондов: он вел всю переписку по заказам (Переписка по покупке книг, л. 654–689), каждая книга проходила через него, он составил ее каталог, за что в 1855 г. получил денежную награду от генерал-губернатора края В. А. Перовского (Ведомость наград и поощрений главного начальника губернии, л. 44).

Возвратившись в 1856 г. из ссылки, Залесский написал воспоминания об этом времени: «Польские ссыльные в Оренбурге» (Wygnańcy 1867). И после отъезда из Оренбуржья бывший ссыльный не утратил интереса к этому краю. Он по-прежнему вдохновлял бывшего ссыльного на творчество. Можно

с полным правом утверждать, что изданный в 1865 г. в Париже альбом Залесского «Жизнь киргизских степей» (Zaleski 1865) является одной из первых попыток художественного осмысления жизни Оренбургского края. На офортах, составляющих альбом, изображены казахские степи, башкирские горы, представлены портреты коренных жителей края. Текстовая часть альбома носит вспомогательный характер, однако лаконизм текстового материала не только не ослабляет, а, наоборот, подчеркивает значение каждого рисунка. Известный востоковед В. В. Григорьев, являвшийся длительное время председателем Оренбургской пограничной комиссии, так отзывался о произведениях Залесского:

Тихой грустью веет от всех его описаний и рассказов: иначе и быть не может при той монотонности степной природы и том настроении духа, в каком находился писавший, – одна из самых чистых и поэтических душ в нашем грязном и прозаическом мире (Григорьев 1867, 189–190).

Автор рецензии подтвердил высокое познавательное значение офорт альбому, указав, что все показанное художник изобразил «с поразительной верностью и полным соответствием действительности». Некоторые из опубликованных здесь рисунков, сообщал Григорьев, «делались даже на наших глазах». Рецензент также отметил, что возможность хорошо изучить все особенности местной жизни Залесский получил благодаря своей исключительной любознательности и активности. За время пребывания в ссылке он «перебывал во всех степных укреплениях, участвовал в течение нескольких лет во всех степных экспедициях» (Григорьев 1867, 192).

В предисловии к альбому Залесский выражал надежду, что для читателя его альбом будет представлять особенный интерес, потому что до него никто из европейцев не зарисовывал видов природы степи и не отображал жизнь народа. Он подчеркивал, что все его рисунки сделаны с натуры, а потому вполне достоверны. И действительно, даже в русских изданиях практически не было художественных работ, созданных посещавшими степи путешественниками. А европейский читатель и вовсе не был знаком с этими местами. Таким образом, именно Залесский открыл Оренбургский край европейскому читателю.

Не менее интересной и значительной в истории Оренбургского края фигурой является Михаил Фаддеевич Зеленко (в монашестве Кандид; 1797–1860) – польский ссыльный, ставший ксендзом Оренбургской римско-католической церкви.

Немало может рассказать об оренбургском ксендзе архивное дело «О присылке на жительство в Оренбург префекта бывшей Гродненской гимназии ксендза Зеленки и об определении его католическим священником

в Оренбургский корпус» (О присылке на жительство в Оренбург...). На обложке дела две даты: 1833–1860. Ими и ограничены годы деятельности Зеленко в Оренбургском крае.

Родился Зеленко в 1797 году в Виленской губернии Троковского уезда, в 1815 г. принял монашество и был назван Кандидом. Получив первоначальное образование в уездном училище, он также прошел высший семинарский курс, одновременно получив звание доктора богословия и закончив университетский курс по филологическому факультету. Это было уже в годы его монастырской жизни. Однако монашеское облачение не отдалило Зеленко от народа, что особенно проявилось после назначения его преподавателем «польского красноречия и латинского языка», а особенно с переводом в Гродненскую доминиканскую гимназию. После разгрома польского восстания 1830–1831 гг. Гродненская гимназия стала «бывшей», а Зеленко повелели «удалить в одну из отдаленных губерний империи под строгий надзор». Выслали его за то, что, являясь священнослужителем, вступился за своих учеников, оказавшихся под следствием по политическим делам. Место ссылки – Оренбургский край – Зеленко выбрал сам, и при выборе будущего местожительства он руководствовался тем обстоятельством, что у оренбургских католиков не было своего католического священника (Модестов 1913, 101).

По ходатайству оренбургского военного губернатора, графа П. П. Сухтелена, изначально исполнение духовных треб воинским чинам римско-католического исповедания, находившимся в Оренбургском отдельном корпусе, было возложено на католического священника – иеромонаха Омокнинского, который жил на оружейном заводе в г. Златоусте, и вследствие отдаленности г. Златоуста от Оренбурга мог приезжать сюда только раз в год, – «всегда во время летних инспекторских смотров», поэтому «живущие в Оренбурге католики по-прежнему оставались целый год без исполнения обрядов своей веры до приезда «златоустовского куратора» (О присылке на жительство в Оренбург..., л. 47).

Таким образом, приезд ксендза для оренбургских католиков оказался весьма кстати, они стали «обращаться к нему с просьбами то причастить больного, то совершить погребение над умершим». Ксендз Зеленко не заставлял просить себя долго и с дозволения оренбургского военного губернатора В. А. Перовского стал совершать богослужения и требы для своих единоверцев с первых же дней своего пребывания в Оренбурге. Тогда же у него возникла мысль о построении польского костела, но приступить к строительству стало возможным, когда Зеленко сделался корпусным священником и получил право принимать пожертвования.

Только в 1839 г. последовало решение о назначении его ксендзом Отдельного Оренбургского корпуса. К тому времени он давно уже стал для многих польских ссыльных признанным духовным отцом. Губернаторы

– сначала В. А. Перовский, затем В. А. Обручев, а со временем снова Перовский – официально свидетельствовали, что Зеленко «приобрел доверенность и расположение поляков, пользуется там общим хорошим мнением» и что он их «своими советами удерживает от предосудительных поступков» (О присылке на жительство в Оренбург..., л. 79–81). Кстати, прихожанкой костела была и жена губернатора Матильда Обручева (О присылке на жительство в Оренбург..., л. 84).

Архивные материалы повествуют о следующем любопытном эпизоде, свидетельствующем о внимании к Зеленко со стороны местных властей: когда оренбургскому военному губернатору Обручеву донесли, что в местном костеле по вечерам виден огонь и что там собираются на тайные сходки ссыльные поляки, Обручев в сопровождении плац-майора Халецкого и полицмейстера полковника Демостико нагрянул внезапно вечером к костелу и, заметив там свет, тотчас потребовал ксендза Зеленку и приказал ему отворить костел. Когда вошли внутрь, то в нем никого не оказалось, и Обручеву пришлось извиниться перед ксендзом Зеленкой за излишнюю поспешность: не трудно было убедиться в том, что свет в костеле происходил от лучей заходящего солнца, ударявших прямо в разноцветные стекла окон алтаря (О присылке на жительство в Оренбург..., л. 112–116). В этом эпизоде проявилось подлинное отношение властей к оренбургскому ксендзу. Об этом же свидетельствует тот факт, что в течение многих лет Зеленко оставался в списках лиц, состоящих под надзором полиции. От надзора его освободили только 15 марта 1857 г. (О прекращении надзора за Зеленкой, л. 17–19).

Процитируем строки из письма ксендза губернатору, в котором он отказывался покинуть место ссылки:

Объявленную мне высочайшую милость и соизволение Его Величества Государя Императора на возвращение меня из Оренбурга... я.. приемлю с глубочайшим благоговением, как знак неоцененного монаршьего благодеяния..., но цель всех моих желаний ныне есть та, чтобы позволено было мне оставаться здесь... (Письмо губернатору В. А. Обручеву, л. 2).

Свободолюбивый и талантливый Зеленко, как и тогда, когда выбирал местожительство в 1833-м, сделал это ради блага близких – тех, кто в нем нуждался, кому он был нужен.

Весьма интересное свидетельство об отце префекте находим в статье Григорьева, опубликованной в журнале «Северная пчела»:

Утром и вечером двери его скромного жилища открыты были для каждого, кто только хотел обратиться к его помощи или заступничеству, а с утра и до вечера сновал он по городу, и в 30-градусный мороз и 40-градусный жар, под дождем и в метель, хлопоча по чужим надобностям, являясь всюду, куда призывали его

долг и человеколюбие, всюду, где мог быть полезным ближнему. Старушка, мещанка А. и отставной офицер Б. заболели: об этом дали знать Зеленке, – и вот Зеленка отправляется навестить одиноких, едет от них к доктору с просьбой посетить их и к аптекарю с просьбой отпустить им лекарства даром. Умер чиновник В., оставив без куска хлеба жену и детей; вдове надо выхлопотать единовременное пособие, детей пристроить... Выдавались дни, я думаю и нередко, когда он делал до пятидесяти посещений и, несмотря на это, находил еще досуг вести самую обширную в Оренбурге частную переписку... В том-то именно и состояло одно из отличительных достоинств Зеленки, ...что он был чужд всякой религиозной исключительности, всякого фанатизма, всякого стремления к прозелетизму. Христианин какого бы ни было вероисповедания был для него такой же брат о Христе, как и римский католик... (Григорьев 1861, 155–156).

Зеленко сыграл важную роль в культурной жизни Оренбургского края. К примеру, деятельное участие принял в устройстве в Оренбурге зоологического музея. Обязанности Зеленки, прежде всего, заключались в сохранении коллекции музея в надлежащей целости и сохранности, в наблюдении за правилами отопления музея, в распределении работ между чучельниками, в заботах об их содержании и отпусках. При Зеленке зоологический музей успел обогатиться не только новыми чучелами зверей и птиц, но и другими коллекциями, почему и стал с 1845 г. называться вместо зоологического музея «музеем естественных произведений Оренбургского края». Заведовал Зеленко зоологическим музеем до самой своей смерти (Зоологический музей города Оренбурга, л. 104–107). При его участии создавалось и Оренбургское училище лесоводства и земледелия (Об открытии училища лесоводства и земледелия, л. 2, 6–10), и некоторые благотворительные общества (Прошения частных лиц, л. 19, 42).

Зеленко скончался 31 октября 1860 года. Приведем текст прошения, с которым староста римско-католической церкви – коллежский секретарь Михаил Цейзик от лица всех прихожан обратился к оренбургскому генерал-губернатору А. П. Безаку:

Здесь оренбургского корпуса римско-католический священник и капеллан Михаил Зеленко вчерашнего числа, т.е. 31 октября в 8 часов утра скончался. 27-летние заслуги покойного, любовь и уважение, которое он приобрел служа всем без разбора вероисповедания, заставляют меня от лица всех прихожан римско-католического вероисповедания почтительнейше просить Ваше Высокопревосходительство разрешить по нашему обычаю, как основателя здешнего костела, тело похоронить в ограде позади церкви (Прошения частных лиц, л. 178–178 об.).

Генерал-губернатор не возражал. Зеленко был погребен «в ограде его же усердием сооруженного костела». На могильной плите значилось: «Мужу великих заслуг». Вскоре после его смерти и погребения на могиле был поставлен

памятник. Примечательно, что в сборе средств на него приняли участие: «священники православные и евангелического исповедания, купцы православные и старообрядцы, два муллы и восемь других магометан» (Прошения частных лиц, л. 180). В уже цитировавшейся статье Григорьева в «Северной пчеле» читаем:

Мы очень способны прожить в одном городе с замечательным человеком, быть постоянным свидетелем его деятельности, даже быть с ним на приятельской ноге, и – не заметить его особенности, его превосходства, как одно почтенное лицо в известной комедии Мольера не замечало, что оно целую жизнь говорило прозою... Случись человеку умственных размеров Лапласа или Гумбольдта, человеку нравственной высоты Говарда или Овена попасть по каким-нибудь обстоятельствам в глушь уездного или губернского города нашего, можно быть уверенным, что общество этого города поняло бы и оценило бы его достоинства настолько же, насколько петух в известной басне обратил внимание на алмаз (Григорьев 1861, 148).

Нетрудно понять, что автор имеет в виду явную недооценку роли и места Зеленко в жизни Оренбургского края.

Но сегодня Оренбургский край о Зеленко помнит, и лучшим памятником его деятельности является восстановленный и действующий костел, в строительство которого ксендз в свое время вложил так много сил.

Удивительным представляется тот факт, что сосланные в отдаленную оренбургскую провинцию люди в итоге оказались встроены в структуру местного общества таким образом, что стали проводниками европейской культуры и образования. Имперская политика аккультурации была такова, что даже неблагонадежные, с официальной точки зрения, люди, становились для отдаленной российской провинции настоящими «точками роста», способствовали развитию края как в научном, так и в культурном плане. И парадоксальным образом, многие из этих ссыльных в ходе проживания в изгнании искренне полюбили место своего изгнания, в каком-то смысле, стали патриотами этих мест и их популяризаторами за границами Российской империи.

Библиография

- Ведомость наград и поощрений главного начальника губернии. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 8, д. 13225.
- Григорьев, В. В. (1867), Альбом видов из киргизской степи. В: Известия Императорского Русского Географического Общества. 1, 188–209.
- Григорьев, В. В. (1861), Отец Зеленко. В: Северная Пчела. 74, 147–166.
- Джунджужов, С. В./Любичанковский, С. В. (2017), Миссионерская деятельность Никодима Ленкеевича в Калмыцком ханстве (1725–1734 годы). В: Новый исторический вестник. 3, 172–191.

- Донесение о находящихся под полицейским надзором. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 6, д. 12209.
- Донесения нижних чинов военному губернатору Перовскому. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 4, д. 9921.
- Зоологический музей города Оренбурга. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 18, д. 303.
- Любичанковский, С. В. (2017), Политика аккультурации в условиях разрушения империи: казус волостного земства. В: Вестник Томского государственного университета. История. 50, 31–37.
- Модестов, Н. М. (1913), Бывший префект Гродненской церкви в Оренбурге. В: Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. 28, 100–114.
- О прекращении надзора за Зеленкой. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 18, д. 215.
- О присылке на жительство в Оренбург префекта бывшей Гродненской гимназии ксендза Зеленки и об определении его католическим священником в Оренбургский корпус. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 5, д. 10732.
- Об открытии училища лесоводства и земледелия. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 18, д. 319.
- Переписка по покупке книг. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 6, д. 13321.
- Письма Б. Залесского к Р. Собаньской (1977). В: Урал. 3, 162–185.
- Письмо губернатору В. А. Обручеву. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 18, д. 375.
- Прошения частных лиц. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 15, д. 102.
- Распоряжение военного губернатора. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 5, д. 10529.
- Статистическая ведомость ссыльных. В: Государственный архив Оренбургской области, ф. 6 – канцелярия оренбургского генерал-губернатора, оп. 4, д. 9800.
- BENNETT, M. (1986), A developmental approach to training for intercultural sensitivity. В: International Journal of Intercultural Relations. 1, 179–196.
- DMITRIEV, V. V./LYUBICHANKOVSKIY, S. V. (2017), The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century). В: Bylye Gody. 45/3, 1010–1024.
- DZHUNDZHUZOV, S. V./LYUBICHANKOVSKIY, S. V. (2017), Kalmyks of Southern Ural in the XVIII – early XX century: Problems of Assimilation, Acculturation and Preservation of Ethnic Identity. В: Bylye Gody. 46/4, 1194–1206.
- LYUBICHANKOVSKIY, S. (2015), Europeans in Central Asia. Everyday encounters in search of identity preservation at the End of XIX – XX cent. (Mennonites' communities in the Kazakh Steppes). В: 14th Bi-Annual Conference of the European Society for Central Asian Studies (ESCAS). Central Asia in the XXI Century. Historical Trajectories, Contemporary Challenges and Everyday Encounters. October 8–11, 2015. Zürich, 34–35.
- REDFIELD, R., LINTON, R., HERSKOVITS, M. (1936), Memorandum for the study of acculturation. В: American Anthropologist. 38, 149–159.
- SZMYT, A. (2016), Russia's educational policy aimed at the Poles and the Polish territories annexed during the reign of tsar Alexander I. В: Przegląd Wschodnieuropejski. VII/1, 11–28.
- Wygnańcy (1867), Wygnańcy polscy w Orenburgu. В: Rocznik Towarzystwa Historyczno-Literackiego w Paryżu. 1866, 41–87.
- ZALESKI, B. (1865), La vie des Steppes Kirghizes. Descriptions, recits & contes. Texte et illustrations a l'eau-forte par Bronislas Zaleski. Paris.